

ДО ВСТРЕЧИ оставалось всего полчаса, и уже не было надежды, что удастся мне пересилить волнение. И думать лишь о том, что спросить его в первую очередь, а какие вопросы приберечь на самый конец, если времени на интервью он уделит больше, чем мы условились заранее по телефону.

Я уже проделал солидный путь от центра Берлина до далекой окраины и уже шел по его улице — густо, вразброс засаженной старыми деревьями, совершенно безлюдной в этот утренний час, залитой мягким солнцем. Вокруг было так тихо, мирно, спокойно, а сердце колотилось все сильнее и сильнее.

Я шел к Эрнсту Бушу!

Этот человек прошел почти через всю мою жизнь. Как прошел ее через молодость, через жизнь миллионов таких же, как я, кому сейчас уже за тридцать, за сорок, за пятьдесят.

Голос Буша! Он летел к нам из самодельных детекторных приемников в тридцатые годы, из круглых и черных бумажных динамиков в военную пору, а затем с патефонных пластинок, тогда еще толстых, тяжелых, шепелявящих...

Сколько в мире было и есть прекрасных голосов, сколько было и есть прекрасных песен! Но голос Буша и песни Буша мы узнавали и узнаем тотчас же.

Резкий гортанный голос. Сухой, нервный немецкий язык. Но сколько же в этом голосе, в этих песнях было энергии, гнева, мужества, твердости, призыва! И уже неважно было, о чем конкретно пел Буш, какие он произносил — нет, выкрикивал! — слова. Ясно ведь — о борьбе, о воле человека, о его решимости, его неизмеренной мощи души. Слушая песни Буша, люди вставали, расправляли плечи, сжимали кулаки и выдыхали — единым глотком — Силу!

Силу жить во весь рост! А, значит, бороться! А значит, победить!

Слушая Буша, мы познавали его самого. Не певца — человека. И восхищались его мужеством, его страстью, его стойкостью. Даже если не знали ни одного эпизода из его жизни, даже если не знали, что человек этот прошел уличные баррикады в Киле и бои в Испании, фашистские застенки и смертный приговор.

Все это было в его голосе, в его песнях.

Я шел к Бушу!

Маленький двухэтажный дом. Сразу же за парадным входом — крутая лестница на второй этаж. Кто-то тихо играет там, наверху, на рояле. Стучу.

— Входите!

Он поднимается из-за рояля. Идет навстречу, на ходу снимая очки.

— Жду вас! Здравствуйте! Буш!

Он похож на пожилого рабочего. Крепкая коренастая фигура. Синяя рубашка — рабочая. Большие сильные руки, мускулистые широкие ладони. Крутой лоб, волосы почти не тронуты седью. Шея повязана легким красным платком. Кажется, только что он оторвал свой взгляд не от нот на рояле, а от чертежа, разложенного на станке.

— Да садитесь же! О чем будем разговаривать?

И, усадив, выжидательно, но по-доброму смотрит на меня, оставшись стоять посреди комнаты.

— Если вы не возражаете — о песнях. О тех, которые вы всегда пели и поете сейчас. О песнях борьбы и солидарности людей мира.

— Хорошая тема. Поговорим. Но сначала вам надо послушать мои записи.

Он быстро подходит к магнитофону, нажимает на какую-то клавишу...

Я успел заметить: голос Буша хриплый, мягкий, довольно слабый даже. И вдруг на всю комнату, на весь дом, кажется, на весь Берлин — знакомый, сильный, чистый, резкий, мужественный, совсем молодой голос:

Борясь и побеждая,
Помни, вдалеке шагая:

Единством мы сильны!

Это знакомая, много раз слышанная, знаменитая «Песня солидарности» Бертольда Брехта и Ганса Эйслера. Двух друзей Буша, двух его великих соратников. Громовой голос Буша буквально вдавливает меня в кресло. Но сам он не смотрит на меня сейчас, он быстро шагает по комнате — от рояля к книжным полкам и опять к роялю, он что-то ищет. Да нет, ничего он не ищет. Просто ему нужно вот так вот — шагая, в движении, в действии, а

ЗНАКОМЫЕ ИМЕНА

ЭРНСТ
БУШ

не в покое, — слушать свои песни, слушать себя.

Смолкает песня, но Буш не включает магнитофона.

— Послушайте еще несколько песен. Хорошо? А я пока подумаю, что вам сказать для интервью.

И он снова шагает по комнате — от окна к двери и снова к окну. А его голос, усиленный динамиками, гремит по всему дому, разрывает его стены. Я не могу больше усидеть в мягком кресле и встаю. Песни Буша нельзя слушать сидя, развалившись. Они заставляют подниматься, заставляют встать прямо. Это кощунство: сидеть, когда поет Буш.

Марш левой! Два! Три!

Встань в ряды, товарищ, к нам!

Ты войдешь в наш единый рабочий фронт,

Потому что рабочий ты сам!

Рабочая солидарность, — пожалуй, главная тема всех песен Буша, главная тема его жизни. Он вышел из рабочей семьи, он сам был рабочим на судостроительном заводе в Киле, он навсегда остался и в искусстве пролетарием. Первая песня, которую он спел публично, перед большой аудиторией, — «Интернационал»!

От рояля — к двери. И снова — к роялю. Он ходит, заложив руки в широкие карманы брюк, набычив голову, задумавшись, а мне кажется, что он поет сейчас, здесь, в комнате. Я никогда не был на его концертах, хотя он трижды выступал у нас в стране. Я никогда не видел его на эстраде. И вот чудо — я вижу и слышу его. Буш поет для меня. Он дарит мне бесценный подарок — свои песни.

Магнитофон на минуту смолкает. И вдруг — громовым тяжелым аккордом:

Идет война народная,
Священная война!

Мощный хор — на русском языке — подхватывает песню. Буш замирает у окна. Он смотрит куда-то в одну точку. Я тоже поворачиваюсь к окну. За стеклом — совсем близко — береза: раскидистая, нежная, русская береза. Буш резко поворачивается.

— Песни солидарности? Вы спрашиваете про них? Это сила, которую нельзя измерить, потому что она ломает стены в человеческих сердцах. Я летел на самолете из вашей страны, возвращался в Берлин. Подходит девушка. Кажется, стюардесса. Спрашивает: вы Буш? Да. Вы спасли меня, спасли мою жизнь. Мать и отца убили немцы. Я ненавидела вас всех, всех немцев. А потом я услышала ваши песни, товарищ Буш. И поняла, что есть немцы и есть фашисты. Друзья и враги. И я снова стала прежней — ко мне вернулось все человеческое. И слезы, и боль радости. Спасибо вам, Буш!

Он делает шаг к роялю, достает из-под кистей нот крошечную книжечку:

— Знаете, что это такое? Сборник песен интернациональных бригад в Испании. Мы издали его там в тридцать восьмом году. Кажется, ну кому он нужен сейчас? Разве что историкам. Так вот, это не оригинал, это переиздание. Сборник только что заново напечатан в Аргентине. Представляете, в Аргентине, на другом конце света! Тут есть предисловие. В нем сказано: время меняется, но песни свободы и солидарности продолжают жить. Ибо мир таков, что надо еще бороться. Бороться за свободу.

Теперь скажу вам от себя. Политические песни будут жить всегда. Они меняются, ибо меняются формы пролетарской борьбы. Но про такие песни нельзя сказать, что они приходят и уходят. Да, они приходят. Но не уходят. Они остаются!

И снова он шагает по комнате. И руки его — большие рабочие руки — то взмывают вверх в такт его новой песни, то опадают вниз, но лишь для того, чтобы, вновь обретя силу, взметнуться над головой и сжаться в кулаки.

Марш левой! Два! Три!

Встань в ряды, товарищ, к нам!

Двадцать второго января лауреату международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Эрнсту Бушу исполнилось 75 лет. Но он не знает усталости. Он работает каждый день и записывает десятки новых пластинок. И они по-прежнему разносят его голос по всей планете. И люди планеты по-прежнему замирают в волнении, когда слышат голос Буша.

Ю. СКВОРЦОВ.

[Спец. корр. «Труда»].